

КЛАССИФИКАЦИЯ МАГОВ

-
- спириталы;
 - псионики;
 - арканеры;
 - демоники;
 - элементалы.
-

Маг — человек, наделенный магическими способностями.

ОМП (Отдел по борьбе с магическими преступлениями) — организация, контролирующая магов и регулирующая их деятельность.

Изгой — маг, нарушающий законы ОМП.

ГЛАВА 1

— *Zh'ültis.*

Я строго посмотрела на Зуиласа.

— Имей терпение. Всего-то и нужно смирно постоять.

Я приложила к его плечам кусок черной ткани. Сколотые края тут и там поблескивали булавками. За спиной у демона Амалия что-то бормотала себе под нос, прикалывая сзади к воротнику будущий капюшон.

— Зуилас! — прикрикнула она. — Прекрати лупить меня хвостом. У меня булавки в руках, а ты хлещешь.

Его хмурое лицо помрачнело еще больше, и хвост глухо стукнул об пол. Щетинистый кончик дергался, как у разъяренного кота. Амалия приподнялась на цыпочки, проверяя, правильно ли приложила ткань, затем убрала мои пальцы и воткнула еще пару булавок.

— Так. Давай-ка посмотрим. — Она осторожно подняла капюшон и накинула его Зуиласу на голову. — Ну что? Как размер?

Я отступила на несколько шагов, чтобы разглядеть демона получше. Его кроваво-красные глаза нетерпе-

ливо сверкали из-под капюшона. Будущая одежда сейчас походила на жилет, но в готовом виде должна была стать курткой — по крайней мере, так утверждала Амалия. Я пока с трудом себе это представляла.

— Кажется, хорошо, — неуверенно проговорила я.

Амалия откинула капюшон демону на спину.

— Не нравятся мне боковые швы. Приподними края, я мерку сниму.

Из горла Зуиласа вырвался низкий сердитый полурык, и это звучало пугающе, хотя бояться было нечего.

Я послушно задрала на нем подол будущей куртки, скользнув костяшками пальцев по боку — дразнящее прикосновение к гладкой теплой коже. Чувствуя, как пылают щеки, я держала ткань на уровне его груди. Амалия обхватила талию демона сантиметровой лентой, взглянула на цифры, а потом опустила ленту на бедра и туго затянула.

— А ты худее, чем я думала, — пробормотала она. — С виду такой крепкий, мускулистый, а на деле легковес.

— *Sh...* — пренебрежительно хмыкнул он.

Я смотрела, как Амалия поправляет ленту, чтобы та легла точно под линией талии на темных, чертовски модных шортах. Мой взгляд скользнул по гладкой красновато-коричневой коже к четкой V-образной линии, уходящей под ткань. Я пыталась отвести глаза, но они так и примагнитились к его возмутительно идеальному прессу.

— Подними ткань повыше, — велела Амалия. — Нужно заново измерить обхват груди.

— А не проще сначала снять с него это все, а потом уж измерять? — спросила я, стараясь, чтобы голос звучал как ни в чем не бывало.

— Делай как тебе говорят.

Я шумно выдохнула и потянула ткань вверх, до самых подмышек. Амалия обхватила грудь Зуиласа измерительной лентой.

— Хм... Зуилас, сделай глубокий вдох и напряги мускулы.

Он что-то проворчал — я уловила только «*mailēshta*» — и набрал в грудь воздуха. Грудь развернулась, мышцы напряглись. Щеки у меня запылали еще сильнее, а Амалия между тем все так же спокойно снимала мерки. Она вообще хоть замечает, какая у него фигура? Неужели эти накачанные мускулы и теплая кожа для нее все равно что пластиковый манекен?

— Готово. — Амалия бросила измерительную ленту в сумку со швейными принадлежностями. — Осталось только застрочить боковые швы.

Я опустила ткань.

— А подклад, значит, будет вышитый?

— Да, а снаружи будет выглядеть как обычная куртка. — Амалия потыкала Зуиласа в руку, чтобы тот поднял ее, и присела возле него. — Теперь я сделаю ее прочнее, чем в прошлый раз, а поскольку куртку не нужно будет натягивать на доспехи, можно скроить все так, чтобы она сидела по-человечески.

Проблема с доспехами возникла из-за наплечников, но теперь об этом можно было не волноваться. Наплечники разбил *īnkav*, и даже если бы Зуилас был в состоянии их починить, нам все равно в тот момент было не до того, чтобы собирать обломки.

— Готово, — объявила Амалия, выведя меня из задумчивости. — Помоги мне снять это с него. Зуилас, подними руки.

Он поднял руки, и мы с Амалией стянули с него еще пока сколотую булавками куртку. Амалия оглядела ее, а потом схватила швейную сумку и направилась в спальню.

— Он в твоём распоряжении, Робин, — рассеянно бросила она и исчезла за дверью, не заметив, как побледнело от этих слов мое лицо. Я сглотнула и мысленно велела себе взять себя в руки.

— *Vayanin*.

Я повернулась к Зуиласу, стоявшему теперь в одних шортах. Мягкий свет разливался по его голой коже и неправдоподобно совершенной мускулатуре.

Он смотрел на меня в упор с непроницаемым выражением лица, и я напряглась в тревожном ожидании рокового удара молота. Много ли из моего внутреннего монолога ему удалось прочитать? Заметил ли он, как пожирала его глазами? А вдруг...

— Где мое печенье?

Что?.. А-а! Мы с Амалией уговорили его на примерку, пообещав за это дать попробовать новое печенье. И теперь он ждал от меня угощения.

Так вот что имела в виду Амалия, когда сказала, что передает его в мое распоряжение.

— Ах да... — пискнула я, развернулась и стрелой метнулась на кухню, где меня ждал пакет с шоколадной стружкой. Я отмерила стакан, сунула в микроволновку, а затем повернулась к кухонному столу, где остывало печенье. На его золотистой поверхности блестели белые капельки зефира.

Я растапливала шоколадную стружку, помешивая ее, как полагается, каждые тридцать секунд, а в промежутках раскладывала печенье на листе пергаментной

бумаги. Привычные, обыденные действия притупили возбуждение, и я стала потихоньку напевать, перемешивая растопленный шоколад с ложкой масла, чтобы стал помягче.

Чувствуя, как рот наполняется слюной от аромата, я вывела на печенье шоколадные зигзаги, а затем посыпала сверху крошкой грецкого ореха. Улыбнулась, видя, какое симпатичное и вкусное угощение у меня получилось, вымыла мерный стаканчик и навела порядок на кухонном столе.

Когда шоколад остыл, я сложила печенье стопкой на тарелку и отважилась наконец выйти из кухни.

Зуилас сидел в дальнем конце дивана, уперев локоть в колено, а подбородок в ладонь. И смотрел на меня.

Нервозность вновь дала о себе знать.

Я поставила тарелку на край столика перед Зуиласом.

— Это печенье называется «роки роуд».

— Роки роуд? Тернистый путь? Но почему? — Он взял печенье и прищурился, разглядывая капли зефира. — Что общего?

— Я... честно говоря, я точно не знаю. Просто так называется.

Теперь, после его вопроса, это название и мне самой стало казаться странным. Я сделала в голове мысленную пометку: выяснить, откуда оно взялось.

Зуилас мельком осмотрел печенье, затем откусил половину. При виде его белых клыков у меня как-то странно начало тянуть в животе.

Он быстро прожевал печенье и проглотил.

— Там что-то... мягкое.

— Это зефир. — Я смущенно теребила рукав свитера. — Тебе нравится?

Вместо ответа он бросил в рот оставшуюся половинку. Я выдохнула. И почему я всегда волнуюсь, понравится ли ему моя выпечка, — он ведь так или иначе съедает все, что бы я ему ни приготовила?

Он взял второе печенье. Вгляделся в него изучающе, подергивая хвостом, а затем перевел взгляд на мое лицо... или на губы?

Меня охватила внезапная паника, и я отшатнулась.

— Мне нужно поработать с гримуаром!

Ноги торопливо понесли меня прочь по ковру, и очнулась я уже в своей безопасной спальне.

Развалившаяся на моей подушке Сокс подняла голову и наострила уши. Моргнула зелеными глазищами, когда я с колотящимся сердцем остановилась возле кровати.

Нахлынули воспоминания. Вот я подношу к губам Зуиласа кусочек клубники. Вот его губы касаются моей кожи. Моих губ. Я никак не могла прогнать от себя эти мысли. Один лишь вид его хищных клыков пробудил память об их прикосновении.

Я закрыла лицо руками, сделала несколько глубоких вдохов, затем присела и вытащила из-под кровати плоский металлический ящик. Прошептала заклинание и откинула крышку. Гримуар семьи Атанас лежал в гнездышке из коричневой бумаги вместе с моим блокнотом.

Я взяла блокнот и открыла на странице с готовым переводом.

Я стояла перед демоном — существом из другого мира — и восхищалась тем, чем не должна восхи-

щаться ни одна женщина. Я жаждала того, о чем не должна помышлять ни одна женщина. Я возложила руки свои на то, к чему ни одна женщина никогда не должна прикасаться.

В горле пересохло, и я сглотнула. В точности как Миррин, одна из моих предков, которая тысячи лет назад записала свою историю в гримуар, я тоже стояла перед демоном и думала о том, о чем женщине думать не пристало. Я желала демона. Я касалась демона. Я целовала демона.

Тогда я еще могла бы оправдать себя тем, что забылась под влиянием момента. Зуилас только что рассказал, что защищал меня все это время, просто выполняя обещание, а не повинуюсь контракту. Я была взволнована и потрясена. Потеряла голову.

Теперь и этого оправдания у меня не было.

Миррин приняла свои чувства к демону, но она-то жила в другое время. А в моем мире демонов считают жестокими убийцами — настолько жестокими, что они годятся только в рабы, оружие для тех, с кем связаны контрактом. Зуилас не раб, не орудие, не бессердечный монстр — но он жестокий убийца, этого нельзя отрицать.

Я прикусила щеку изнутри. Мало мне душевного раздрая из-за нашего поцелуя — еще и поговорить об этом совершенно не с кем. Если я начну изливать свои смятенные чувства самому Зуиласу, ничего хорошего для нас обоих из этого не выйдет, а уж о том, чтобы довериться Амалии, не может быть и речи.

Вот почему я уже четыре дня бродила по замкнутому кругу сомнений. Каждый раз, когда я уже готова была

поддаться этому влечению, мной овладевала паника: а вдруг я совершаю ужасную ошибку? А когда пыталась убедить себя, что это никогда больше не должно повториться, все доводы казались удивительно слабыми.

Вздохнув, я взгромоздила гримуар на стопку справочников и потащила все это обратно в гостиную.

Зуилас лежал, разметавшись на диване, с закрытыми глазами. На тарелке осталось три печенья из дюжины — что ж, видимо, наелся.

Он приоткрыл один глаз, когда я опустилась на пол между диваном и кофейным столиком и откинулась спиной на подушки. Его хвост свисал с дивана совсем рядом, отметины на кончике слабо поблескивали. Я разложила книги, достала ручку, а затем открыла гримуар на той странице, где Антея приступает к первым опытам в Аркане Фенестрам — магии порталов.

Я чувствовала на себе взгляд Зуиласа, однако он молчал.

Вглядываясь в путаные заметки, которыми были исписаны страницы гримуара, я перебирала пожелтевшие листы, пока не отыскала запись из дневника Миррин. Почему она так мало писала о своих отношениях с демоном?

Колдунья из древних времен не выходила у меня из головы все время, пока я машинально переворачивала страницы. Чего бы я только не отдала, чтобы оказаться в прошлом и поговорить с ней! Что она могла бы мне рассказать о загадочном устройстве демонического разума?

Я украдкой оглянулась через плечо. Глаза Зуиласа были уже вновь закрыты, дыхание медленное. Черные спутанные волосы свисали на лоб, маленькие рожки,

указывающие на то, что он еще молодой демон, торчали из-под разлохмаченных прядей.

Мой взгляд скользнул по его подбородку, затем вниз, по шее, к едва проступавшим сухожилиям, которые тянулись к ключицам. Твердые грудные мышцы переходили в тот самый рельефный пресс, от которого я никогда не могла оторвать глаз... а дальше тот самый манящий треугольник.

Было время, я проходила руками по всей его спине, до последнего дюйма, разминая напряженные мышцы после тяжелого лечения, но грудь и все остальное... это уже нечто более интимное. Соблазнительное. Запретное.

Моя рука медленно скользнула вверх. Крепко ли он спит? Большие дозы сахара вызывали у него сонливость, но не настолько, чтобы уснуть мертвым сном.

Я дотронулась до его предплечья с внутренней стороны. Мышцы под моими пальцами напряглись, он вдохнул, веки дрогнули, и в голове у меня закружился целый водоворот эмоций, мыслей и чувств — но не моих.

Перед глазами встали раскаленные красные пески, из которых тут и там торчали острые камни: эти пески окружали скрытую от глаз долину среди дюн. Жилища из тесаного камня на дне этой долины. Лучи солнца, пылающего на горизонте. Холодный дразнящий ветер, несущий запах песка с привкусом железа.

Pashir. Ahlēavah. Дом.

Мерцание перед глазами. Внезапно сдавившая грудь тоска. Вихрь смутных воспоминаний, затем ночной пейзаж с темными зданиями и ярко освещенными улицами. Окно — светящееся, манящее. Длинные портьеры, сквозь которые я проскальзываю в дом. Мягкий ковер

под ногами. Тихая спальня, кровать, укрытое одеялом спящее тело, темные волосы рассыпались по белой подушке.

Незнакомка. Чужачка. *Hh'ainun*.

Секундная попытка отрицания. Ледящий озноб. Темная комната погружается в черную ночь. Бетонная платформа, светящаяся линиями и рунами, окруженная соленой водой. Кольцо в центре. Ночное небо иного мира зовет к себе.

«Иди!

Чего же ты ждешь?

Разве ты не этого хочешь?»

Громкий звук моего собственного голоса был как пощечина: я отшатнулась, и мои пальцы крепко стиснули его руку.

Он распахнул мутные со сна глаза.

— *Vayanin*?

Я смотрела на него в упор. В груди заглохло: обрывки его мыслей и воспоминаний уже ускользали из моего сознания, но в ушах все звучал и звучал мой голос, такой, каким он его слышал. Эти резкие, злые, отчаянные выкрики... неужели это так звучало, когда я велела ему пройти через портал?

Я все смотрела и смотрела на него в упор, ни слова не говоря, и тогда он на миг прищурился, а затем снова закрыл глаза: спать ему хотелось сильнее, чем разгадывать загадки женщины-хайнун.

С нарастающей в груди тревогой я механически перевела взгляд на гримуар и невидящими глазами уставилась на открытую страницу. Я чувствовала тоску Зуиласа, ощущала, как он что-то отрицал, но что именно из этих воспоминаний вызывало тоску, а что отрицание?

Этот вопрос крутился у меня в голове, а страницы передо мной тем временем обретали четкость, и в мое затуманенное сознание врывались мудреные надписи, складывающиеся из рассыпанных по этим страницам древнегреческих букв.

Я наклонилась ближе к книге.

— Зуилас?

— *Var?* — пробормотал он без воодушевления.

— Посмотри.

Он сел и наклонился ко мне. Его лицо оказалось совсем рядом — подбородок коснулся моего плеча. Он смотрел в гримуар.

— *Hashē*, — выдохнул он, сразу забыв о своем раздражении. — Ты его нашла.

Если бы я только что не видела эту надпись в его эйдетической памяти, то могла бы и не узнать ее. Но заклинание, лежавшее передо мной на странице древней книги, было почти в точности таким же, как в его воспоминаниях.

Пальцы у меня сами собой сжались в кулаки.

— Заклинание портала.

ГЛАВА 2

Заклинание портала — это был самый опасный раздел Арканы в мире. Пожалуй, самый разрушительный в истории. То самое заклинание, которое привело к созданию Демоники и позволило человечеству поработить расу демонов, после чего их цивилизация стала мало-помалу приходить в упадок.

— Вот, — сказала я, указывая на огромный лист коричневой бумаги, на котором начертила большое заклинание, — это тот самый набор, которым Саул и его жуткие сыновья-близнецы открывали портал четыре ночи назад. Насколько точно я смогла его изобразить, по крайней мере.

Я чертила заклинание, ориентируясь на воспоминания Зуиласа. Пришлось потренироваться, чтобы наладить телепатическую передачу, но теперь, когда демон был сосредоточен, я могла увидеть то же, что видел он.

Амалия присела рядом и стала изучать рисунок.

— А это, — продолжала я, указывая на второй большой лист, — окончательная версия заклинания из гримуара — по крайней мере, я думаю, что окончательная.

Там уже не было никаких поправок. Мелитта пишет в дневнике, что переписала все последние заклинания в конце книги. Клод похитил эти страницы, но оригиналы должны быть где-то в гримуаре.

Амалия переводила взгляд с одного рисунка на другой.

— Они не совсем одинаковые.

Я кивнула.

— В версии Антеи не хватает некоторых деталей. Саул с сыновьями подставили на эти места свои арканы, но, как мы знаем, это была не совсем точная замена.

Портал-то открылся, но как только кто-то попытался пройти, магия рассыпалась. Чему я была только рада, поскольку этот «кто-то» был кровожадным монстром из мира демонов, который чуть не убил Зуиласа.

Я вздрогнула, вспомнив, как он лежал на вертолетной площадке с раздробленным плечом, а на груди зияли раны от чудовищных скрещенных зубов инкава.

— Зачем Клоду портал? — сказала Амалия. — Вот в чем главный вопрос. Зачем ему прямой проход в мир демонов?

— *Ahlēavah*.

Амалия покосилась на меня:

— Э-э-э?

— Ахлеава. Так Зуилас называет свой дом... кажется. — Хотя он никогда этого не говорил, я прочитала это слово в его мыслях. — Не знаю точно, что оно означает: то ли какое-то конкретное место, то ли район, то ли территорию или еще что-нибудь.

— Ах-ле-а-ва, — повторила Амалия. — Звучит... на удивление красиво. Я совсем другого ожидала.